
СОВРЕМЕННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Маргарита Силантьева *

Специфика гражданской идентичности в современном глобализирующемся мире – сфера применения проблемного подхода в той мере, в какой этот подход позволяет увидеть системные противоречия, свойственные «глобализационным сдвигам», на какой бы почве они не происходили.

Помимо известного перечня острых социальных дисбалансов, подробно описанных и проанализированных в современной научной литературе¹, обращает на себя внимание то специфическое состояние психосоциальной мобильности, которое свойственно современному обществу в его «статистически достоверном» поведении в качестве *массового целого*. Как уже неоднократно отмечали аналитики, специфика такого поведения во многом связана с воздействием СМИ, транслирующими определенные информационные (и уже – гуманитарные) технологии. Сценарии развязывания конфликтов и их преодоления, дестабилизация одних и поддержка других режимов, усиление либо замедление развития тех или иных ценностных предпочтений, – все это лишь в малой степени иллюстрирует «виртуализационный потенциал» информационных технологий, внедрившихся в корпус социального целого и производящих в нем свои более или менее скрупулезные дистанционные манипуляции. Гражданская идентичность оказывается в числе тех жизненно важных для социального организма «точек», вмешательство в которые оказывает заметное воздействие на существование и поведение всего организма.

Даже если согласиться с известным английским антропологом Кейт Фокс² и признать, что происходящее в современной культуре глобальное смещение ценностей – лишь видимость, на деле же миром «как правила, так и правят *правила*», – не удастся игнорировать очевидное: мир сегодня вступил в фазу активной геополитической трансформации. Говоря о «сложнейшей гетерогенной социально-экономической и культурной структуре современного мира»³, новейшие сдвиги в принципах его устройства часто называют «регионализацией»⁴ или «зонами проблемной государственности»⁵. Еще в середине 20 века известный русский философ Г.В. Флоровский писал: «Эксперты и пророки постоянно напоминают, что цивилизации появляются и распадаются, и нет никакой особой причины ожидать, что наша цивилизация избежит общей судьбы. Если еще есть какое-то историческое будущее, то очень может случиться, что оно уготовано совсем другой цивилизации, иной, чем наша»⁶. Далее, говоря о трансформации ценностных основ, мыслитель напоминает о «постхристианском» характере современной культуры, ее затянувшемся «кризисе».

Обращение к мыслителям прошлого, возможно, не самый эффективный путь социального проектирования. Вместе с тем, имея пути решения конкретных социальных (и даже экономических, – несмотря на очередной кризис в этой области) задач, современное человечество не случайно озабочилось поиском «метастратегий», способных выдвинуть «сверхпрагматические»

* Силантьева Маргарита Вениаминовна, профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России

консолидирующие цели его развития, уводя социальное движение из сферы сугубо утилитарных ориентиров. Недостаточность существующих ценностных ориентиров (прежде всего, для поддержания сложившихся форм гражданской идентичности), - как и общая бесперспективность гедонизма (в том числе, и рыночного в современном смысле слова), - общее место для современной общественной мысли. Недаром, так и не решив в мировом масштабе задачу построения «общества всеобщего благоденствия» в рамках практического применения теории «общества потребления», специалисты по социальному планированию из стран «золотого миллиарда» перешли к разработке теории «общества постпотребления». Такое общество, вопреки распространенной в России мифологии, далеко не так «атомизировано» и «вырождено», как это следует из закачиваемых средствами массовой коммуникации на экраны рядовых «постсоветских пользователей» низкопробных продуктов массовой культуры. Однако и его «стандарты» далеки от идеала свободной творческой личности: безработица, массовая апатия, стремительное свертывание работы «социальных лифтов» - один из показателей реального положения дел в странах «золотого миллиарда». Рост взаимной безответственности (причем не только в личном, но - увы! - и в профессиональном плане), - к сожалению, та волна, которая стала «накрывать» сегодня и западный мир.

В новом глобализационном «общественном формате» есть, разумеется, свои немеркантильные ориентиры. Они в основном культуроцентричны, т.е. стремятся дать опору духовным ориентирам, исходя из существующих локальных ценностей. По крайней мере, тех из них, которые востребованы в качестве социальных интеграторов конкретными сообществами, более или менее большими в количественном и качественном смысле.

«Конец эпохи метанарраций», декларированный постмодернизмом, означал отказ от идеи Бога в кантовском смысле, как одного из конститутивно-регулятивных основоположений, скрепляющих единство сознания и его социальных проекций.

Фрагментаризация целого, явившаяся неизбежным следствием такого отказа, также сказалась на качестве социума, вплотную подведя его к распаду на составные части, хаотизации аксиологической базы и смешению культурных кодов.

«Метанарративы», задаваемые прежде священными текстами трех мировых религий, не выдержали проверки двумя мировыми войнами. Появление оружия массового уничтожения показало, что страсть к «зачистке территории», пригодной для распространения своей идеи, приобретающей религиозно значимые формы, чревата самоистреблением человечества как биологического вида. Уважение к «малым нарративам» (иным верованиям и просто индивидуальным парасистемам ценностных ориентаций, - например, в виде слабых литературных произведений, наводнивших культурное пространство современного мира) стало требованием, нарушение которого ставит под угрозу едва ли не само выживание человечества. «Своя игра» стала правилом поведения. Вместе с тем, распад системы единообразных регулятивов, скрепляющих социальность, повлек за собой поиски новых *духовных* ориентиров, способных сбалансировать систему нарастающей социальной дезинтеграции за счет вбрасывания в нее новых общезначимых объединительных символов.

В числе ценностей, соотнесенных с «эпохой метанарраций», можно выделить и такую ценность, как национальное государство. Самопротиворечивый характер главного «интегратора» таких государств в европейской Ойкумене был заложен еще во времена распада Римской империи, когда мировая религия - христианство - была «растащена по национальным квартирам». Вместе с тем, несомненный и созидательный потенциал этого «интегратора». При этом национальные государства сумели решить на очень длительный срок задачу соединения «общего» и «частного» - идеала общественного устройства и его реальных проявлений «здесь и сейчас», в конкретной «историко-географической» действительности.

Однако движущей силой развития национальных государств продол-

жал оставаться идеал «религиозно-правильной» империи. Причем идея «Москвы как Третьего Рима» здесь несколько не уступает ни Священной римской империи (формально закончила свое существование, как известно, в 1918 году, после революции в Австро-Венгрии), ни идее халифата, по сей день будоражащей умы некоторых исламских политических экстремистов. Возможность «развернуться» в общецивилизационную объединительную программу является, таким образом, питательной средой, поддерживающей национальную идентичность «старого» образца. «Имперское сознание» поэтому можно воспринимать как некий регулятивный принцип, на деле имевший минимальную возможность реализации, но вместе с тем обеспечивавший условное «снятие» логического противоречия существования национальных государств «эпохи метанарраций».

«Разрыв цепей колониального рабства», пик которого пришелся как раз на середину 20 века, до предела заострил антиимпериалистический импульс, свойственный национальному сознанию «по определению»⁷, ибо в этом своем измерении «национальное» приближается к этнокультурному истолкованию. Поэтому «парад суверенитетов» (в том числе, и в постсоветской России) можно рассматривать как закономерный итог борьбы с «имперским сознанием».

По сути, новая версия национального государства, при всей своей «культуроцентричности», упирается в наличие некоей формальной базы ценностей, способной быть воспринятой всеми социальными организмами без немедленной и стремительной интоксикации. Такой базой стало в западном мире *право* – рационализированная система принятых при поддержке силы государства норм и ценностей, способных гомогенизировать социальное целое с целью оптимизации его функционирования именно как *целого*.

Гражданская идентичность, понятая в данном ключе, соответствует законопослушности. «Транспорт» рабочей силы, идей, чувств и языков их выражения – одна из главных черт нового глобального *мегасоциального* сообщества – требует унификации средств

организации и синхронизации социального поведения. Относительно свободное перетекание людских потоков по различным территориям и культурным трекам, выдвигает, в свою очередь, требование – если не мульти-, то поликультурности как неперемного условия такого перемещения. Необратимое изменение требований к организации социального пространства, способного поддержать жизнеспособность общества в новых условиях, опирается уже не на религиозную составляющую гражданского самосознания, а на ее правовую составляющую.

Такое пространство должно, с одной стороны, быть достаточно *гомогенным*, чтобы любой человек мог ощущать себя «дома» в любой точке этого пространства. И, с другой стороны, оно должно быть достаточно *гетерогенным*, чтобы не создавать психологического дискомфорта монотонностью унифицированного образа жизни и тотальных ценностей (ценности, как известно, «не приводимы» к одному знаменателю, они могут существовать только в конкретной национально-культурной форме⁸). Поэтому, кстати, ведя речь о «гибели» национальных государств, обычно (за исключением ситуации на Балканах) имеют в виду не распад сложившихся общностей как таковых, а наполнение их новым модернизированным содержанием.

Гражданская идентичность «эпохи пост» очень пластична. С одной стороны, она предоставляет возможности гомогенизации социального пространства, выравнивания его по уровню *здоровой социальности* (так называемые социальные гарантии гражданам со стороны государства – «права человека»), *политических* предпочтений и *экономических* достижений. Узнаваемый портрет *американской демократии*, однако, дополняется при этом размытием (причем сознательным!) идеологием цивилизационного порядка, проще говоря, растворением мировых религий в «демократической» полирелигиозности, ставшей теперь не государственной заботой, а личным делом совести граждан данного государства⁹.

Думается, не случайно американская демократия представляется ряду авторов *инновационной формой граждан-*

ской идентичности, - не связанной, как это было в «прежнем» национальном государстве, с этнокультурной и религиозной идентификацией. Вместе с тем, нельзя сказать, что такие идентификационные программы полностью исчезают в новом типе «правового» (тотально-демократического) государства. Напротив, они приобретают своеобразную гранулированную структуру, проникая в самые мелкие поры идентификационных механизмов личности. Однако здесь они выступают как механизмы *самоидентификации*, государственная забота о которых носит весьма специфический характер. Таким образом, диффузия ценностных параметров на микросоциальном уровне предполагает изменение всего идентификационного механизма на уровне макро- и мегасоциальном. С другой стороны, альтернативные американской глобалистике формы - «суверенная демократия» в России, азиатский глобализм и антиглобализм - делают акцент прежде всего на разнообразии культур, а затем уже - на стандартизации некоторых антропологически значимых ценностей модернизированного мира и эпохи «пост».

Гражданская идентичность «отечественного разлива» на сегодняшний день подвергается давлению, с одной стороны, подозрительного отношения русской культуры к «формализму» права. С другой стороны, хаотизация социально-экономических процессов, (или, как более радикально называют тот же самый процесс, «социальная аномия»), вызвала протест против рекомендаций, исходящих со стороны экспертов из «правовых государств» (иначе говоря, все тех же стран «золотого миллиарда»).

Отчасти подобную подозрительность можно считать вполне оправданной¹⁰. Правовые стандарты, принятые сегодня в развитых странах, не всегда соизмеримы с аксиологическим фундаментом российской культуры. «Права человека», истолкованные массовым сознанием как пикантная «свобода меньшинств» (а на деле - усиленная реклама определенного «нетрадиционного» образа жизни, лоббирование интересов подобных меньшинств в социально-экономической сфере и т.д.), не вызывают на отечественной

почве особого энтузиазма. Равно как вызывает сомнения абсолютная «неангажированность» заокеанских экономистов, политтехнологов и социологов, призванных в свое время для модернизации отечественной социокультурной системы. Результат данной модернизации, безусловно, нельзя однозначно считать «заслугой» тех или иных советников: потенциал любого государства, в том числе и в эпоху дестабилизации и дисбалансов, не должен быть ниже той планки, которая позволяет отделить «хорошие» рекомендации от «плохих».

Вместе с тем, формализм права в развитых странах, как известно, далек от бездушного механизма отечественной бюрократии, которой нет дела до «маленького человека». Напротив, эффективность работы американского чиновника исчисляется в зависимости от времени, которое он потратил на разговор с *конкретным* человеком и на решение его *конкретного* вопроса. Здесь, разумеется, тоже есть «бюрократические лазейки» - например, возможность тянуть время, решая вопросы «мелкие». Однако контраст с «правовым формализмом», хорошо знакомым нам по деятельности отечественных бюрократов, налицо.

То же самое можно сказать о внедрении правовых норм в отечественную систему здравоохранения (при поступлении в лечебное учреждение пациент обязан подписать бумагу, в соответствии с которой он заранее согласен с любыми диагностическими и лечебными процедурами, которые будут ему предписаны); образования (школьники и студенты изначально обязаны принимать в полном объеме тот слабо варьирующийся список учебных дисциплин, которые предписаны учебным планом: любое их расширение потребует дополнительной оплаты) и т.д. Таким образом, пугающий формализм правовой системы для гражданина России упирается вовсе не в его законопослушность (точнее, в ее якобы отсутствие), - а в отсутствие реального опыта жизни в правовом государстве.

Способ идентификации россиянина, предложенный профессором Р.В. Енгибаряном¹¹ - мужчина, христианин, россиянин, - очевидно, является

формулой, в которой переменными являются для конкретного человека только два первых показателя. Этот способ вызывает уважение именно потому, что апеллирует к традиционной системе ценностей, претендуя указать ориентиры ее развития в современном мире.

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть первостепенную значимость для гражданской идентичности россиян собственной культурной идентичности. Она во многом совпадает с самосознанием «золотого века русской

культуры», хотя для современного человека представляет собой скорее ностальгическую устремленность к недостигаемому идеалу, нежели программу реальных действий. Следует отметить также, что разработка и реализация подобной программы напрашивается сама собой. Россия удержит свою национальную государственность при любом сценарии развития международных событий только в том случае, если ей удастся развернуть свое политическое пространство в сторону единства права и культуры.

PRESENT-DAY CIVIL IDENTITY IN RUSSIAN CULTURE

M. Silantieva,
Professor, Department of Philosophy,
MGIMO (University) under the Ministry for
Foreign Affairs of Russia

Литература:

¹ См.: Воробьев В.П., Куриц С.Я. Болезни государства (диагностика патологий системы государственного управления и права). М., МГИМО(У), 2010.

² Кейт Фокс. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М., 2011. С. 22-24.

³ Зарубина Н.Н. Хозяйственно-культурные традиции в современном мире: взаимодействие и толерантность // Культура толерантности и опыт дипломатии. М., 2004. С. 139.

⁴ Кейт Фокс. Ук. соч. С. 30-31.

⁵ Ильин М.В., Кудряшева И.В. Кризисы суверенитета в современную эпоху. Предисловие // Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшевой. М., 2011. С. 4-19.

⁶ См.: Флоровский Г.В. Вера и культура // <http://sites.google.com>.

⁷ См.: Мнацаканян М.О. Нации в современном глобальном мире. Модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории. М., 2011.

⁸ Силантьева М.В. Аксиолого-этические аспекты межкультурной коммуникации в условиях глобализации // Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М., 2010. С. 13.

⁹ Филатов С.Б. Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия // Религия и конфликт. М., 2007. С. 15-45.

¹⁰ Самарин А.Н. Истоки общественного кризиса в России и его культурные последствия // <http://www.za-nauku.ru>.

¹¹ Енгибарян Р.В. С чего начинается личность. Национальность, гражданство и цивилизация: три фактора формирования человека // Независимая газета. 26 сентября. 2011. С. 9.